

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Николо Макиавелли Десять писем.

I. К РИЧЧАРДО БЕККИ[1]

от 9 марта 1498 г.

Дабы получить полное представление, как вы желали, о здешних событиях, связанных с братом[2], узнайте, что кроме двух проповедей, копия которых у вас уже есть, он произнес в масленичное воскресенье еще одну и после пространных излияний призвал всех своих сторонников собраться в день карнавала в монастыре Сан Марко – он заявил, что будет молить о более явном знамении, если данные ему предсказания исходили не от Бога. Доминиканец сделал это, как говорят некоторые, чтобы крепче сплотить свою партию и поднять ее на свою защиту, ибо он опасался противодействия вновь сформированной Синьории, состав которой не был еще обнародован. Когда же в понедельник состав Синьории, о котором вы, вероятно, хорошо осведомлены, был объявлен, он увидел, что две с лишним трети враждебны ему, а так как папа[3] в своем бреве под угрозой интердикта требовал его выдачи, и доминиканец боялся, как бы Синьория ему не подчинилась, то он решил, возможно, по совету друзей, прекратить проповеди у святой Репараты[4] и перебраться в Сан Марко. Поэтому в понедельник утром, со вступлением в должность новой Синьории, еще в святой Репарате он объявил, что во избежание беспорядков и ущерба для божьего дела отправляется назад, так что пуская мужчины приходят слушать его в Сан Марко, а женщины пусть собираются у фра Доменико[5], в Сан Лоренцо. Итак, когда наш брат оказался дома, он стал проповедовать на удивление смело и продолжает в том же духе, ибо страшась за свою судьбу и ожидая от новой Синьории враждебных действий, а равно рассчитав, что его падение будет губительным для многих сограждан, он стал их запугивать и, на первый взгляд, очень убедительно, всячески восхваляя своих последователей и черня противников. Тут он употребил все средства, чтобы ослабить враждебную партию и выставить преимущества своей[6]; об этом я, как очевидец, расскажу несколько подробнее.

Первую проповедь в Сан Марко брат произнес на следующие слова Исхода: "Но чем более изнуряли их, тем более народ умножался и увеличивался" [7], и прежде чем приступить к изъяснению этих слов, он указал причину своего возвращения, говоря: "Благоразумие есть правильное постижение возможного" [8]. Далее он сказал, что все люди устремлены к той или иной цели: для христиан эта цель – Христос, для прочих людей прошлого и настоящего цель вытекает из их религии. Мы, будучи христианами, соразмеряем наши поступки с нашей целью – Христом и, чтобы не уронить его высокого достоинства, должны благоразумно учитывать меняющиеся обстоятельства, так что когда... требуется положить жизнь за Христа, жертвовать ею, а когда следует укрываться, так и поступать, подражая тому, что мы читаем о Христе и о святом Павле. Так мы, добавил он, должны действовать и так мы действовали: когда необходимо было вступить в противоборство с безумием, мы так и сделали, в день Вознесения[9], ибо того требовали обстоятельства и честь Господня, теперь же, когда ради Господа нужно склониться перед гневом, мы уступили. После этого краткого вступления он выстроил две шеренги – в одной воинствующие под водительством Божиим, здесь он и его сторонники, в другой находятся приспешники дьявола, то есть его враги. И приступив к более пространному изложению, он стал объяснять вышеприведенные слова Исхода, говоря, что вследствие гонений умножение добрых людей происходит двояким способом: духовным и количественным; духовным, поскольку в несчастье человек обращается к Богу и укрепляется, приближаясь к движущему его, как теплая вода при поднесении огня становится еще горячее, ибо в нем заключается движущая сила его тепла. Возрастают они также и числом, потому что существуют три рода людей: праведные – а это те, кто следует за мной; испорченные и законенные, то есть противники, и еще один тип людей, расточающих свою жизнь в удовольствиях, эти не упорствуют в дурных поступках, но не заботятся и о добрых делах, ибо не отличают одно от другого. Но поскольку деяния праведников и дурных отличаются друг от друга, ибо противоположности при сопоставлении выступают резче, люди третьего типа распознают испорченность дурных и простодушие добрых, а так как по природе нам свойственно избегать зла и стремиться к добру, они примыкают к последним и сторонятся первых, почему в несчастье и умножается число праведных, число же дурных уменьшается, и это тем более и т. д. Я передаю все это вкратце, потому что эпистолярный стиль не терпит пространных речей. Затем, пустившись, по своему обыкновению, во всякие рассуждения, он заявил, желая ослабить своих противников и перебросить мостик к следующей проповеди, что вследствие наших распри воздвигнется тиран, который

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org
разрушит наши дома и разорит весь город, но это не противоречит сказанному им, что Флоренцию ждет процветание и господство над всей Италией, ибо тиран продержится недолго и будет изгнан; и на том он закончил свою проповедь.

На следующее утро, продолжая толкование Исхода и дойдя до того места, где говорится, как Моисей умертвил египтянина[10], он объявил, что египтянин представляет дурных людей, Моисей же – проповедника, который умерщвляет таковых, разоблачая их пороки, и тут он сказал: "О египтянин, я поражу тебя насмерть", и вскрыл всю вашу подноготную, о попы, обращаясь с вами, как с падалью, на которую и псы не польстятся. Потом он прибавил (а к этому он и вел), что хочет нанести египтянину другую тяжкую рану, и сообщил, что Бог открыл ему, будто во Флоренции некто намеревается установить тиранческую власть, и с этой целью строит козни и заговоры, и хочет изгнать брата, отлучить брата, преследовать брата, а это и есть не что иное, как стремление к тирании; и что нужно соблюдать законы. И он столько наговорил, что на следующий день подверглось публичному обвинению одно лицо, которое столь же близко к тирании, как вы к небесам. Но затем, когда Синьория заступилась за доминиканца перед папой, и когда он убедился, что врагов во Флоренции больше нечего бояться, тут он завел другую музыку, и если раньше пытался только сплотить свою партию, внушая ненависть к противникам и запугивая их словом "тиран", то теперь, не упоминая больше ни о тирании, ни о преступных происках, призывает сохранить единство и настраивает всех против верховного понтифика, на которого обратил ныне свои злые укусы, отзываясь о нем, как о самом последнем негодяе. Так он, по моему мнению, сообразуется с обстоятельствами момента и приукрашивает свое вранье.

Засим оставляю на ваше суждение толки, которые ходят в народе, людские ожидания и страхи, ибо вы человек благоразумный и можете судить о них лучше меня, потому что отлично осведомлены о наших настроениях, об особенностях момента и о намерениях папы, находясь там поблизости. Прошу вас только об одном: коль скоро вы не сочли за труд прочесть мое письмо, пусть вам не покажется обременительным и ответить, каково ваше мнение о нынешних обстоятельствах и настроениях с точки зрения здешних дел. Будьте здоровы.

Флоренция, 9 марта 1497.[11]

Ваш Никколо ди м[эссер] Бернарда Макиавелли

II. К ДЖОВАННИ БАТТИСТЕ СОДЕРИНИ[12]

сентябрь 1506 г.

("Фантазии, адресованные Содерини"). Перуджа.

Ваше письмо явилось передо мной в маске[13], но с первых же слов я распознал его. Зная вас я охотно верю паломничеству в Пьомбино; но не сомневаюсь в ваших с Филиппе затруднениях, ведь одного из вас смущает недостаток света, а другого – его избыток[14]. Январь меня не беспокоит, лишь бы февраль не подвел[15]. Я огорчен опасениями Филиппе[16] и с трепетом жду, чем это кончится. (А). Ваше письмо было кратким, но для меня – я читал его и перечитывал – оказалось длинным. Оно доставило мне удовольствие, потому что дало случаи сделать то, к чему я никак не мог приступить[17] и чего вы мне делать не советуете; и только последнее, на мой взгляд, лишено всякого повода. Ваши слова удивили бы меня, если бы судьба не дала мне понятия о многообразии и изменчивости вещей, так что я вынужден почти ничему не удивляться или признать, что ни чтение, ни опыт ничего мне не поведали о поступках и образе действий людей.

Я знаю вас и знаю, какой ветер дует в ваши паруса, и если бы можно было осуждать вас за это (а осуждать нельзя), то я бы не стал, памятуя о том, в какие порты он вас прибывает, на какие ступени возводит и какие может внушать надежды. Итак, разделяя воззрение большинства (в отличие от вашего, где все – благоразумие), я вижу, что в делах важнее исход, которым они завершаются, а не средства, кои для этого используются. (Всякий руководствуется своей прихотью). Ведь одного и того же добиваются разными способами, и различные действия ведут к одной цели; если я еще мог в этом сомневаться, то поступки нынешнего папы[18] и их последствия убедили меня окончательно. (Б). Ганнибал и Сципион, оба выдающиеся военачальники, одержали бесчисленные победы: один из них, будучи в Италии, поддерживал единство в войсках жестокостью, коварством и неблагочестием, при этом он

настолько привлек к себе народы, что они восстали против римлян. Другой добился от народа того же самого постоянством, милосердием и благочестием. (В). Но поскольку на римлян не принято ссылаться – Лоренцо Медичи[19] разоружил народ, чтобы удержать Флоренцию; мессер Джованни Бентивольо[20] ради сохранения Болоньи вооружил его; вителли[21] в Кастелло и нынешний герцог Урбинский[22] разрушили крепости в своих владениях, чтобы удержать их, а граф Франческо[23] в Милане и многие другие строили крепости для безопасности. (Г). Император Тит[24] в тот день, когда не был кому-нибудь благодетелем, считал свою власть под угрозой, другой увидел бы угрозу в тот день, когда сделал бы кому-либо приятное. (Д). Многие, семь раз отмерив и взвесив, успевают в своих замыслах. Нынешний папа, который действует всегда наобум, безоружный случайно добивается того, что навряд ли удалось бы ему, действуй он по плану и с военной силой. Как показывают деяния всех вышеописанных лиц и бесконечного числа прочих, кого можно привести в пример в прошлом и настоящем, они приобретали, усмиряли и теряли царства по воле случая, и при неудаче иногда подвергался осуждению тот самый образ действий, который превозносили в дни успеха. (Е). Иной раз также, когда наступает конец длительному процветанию, причину ищут не в себе, а обвиняют небеса и расположение светил. Но отчего различные поступки иной раз одинаково полезны или одинаково вредны, я не знаю, хотя и хотел бы знать; однако, чтобы познакомиться с вашим мнением, я позволю себе смелость высказать свое.

Полагаю, что как природа дала людям разные лица, так они получают от нее и разные ум и воображение, которыми руководствуется каждый. И поскольку, с другой стороны, время и обстоятельства изменчивы, – тому, кто идет навстречу времени, все замыслы удаются как по-писаному, и он процветает; напротив, несчастлив тот, кто отклоняется от времени и обстоятельств. Вследствие этого часто случается так, что двое, действуя по – разному, приходят к одинаковому результату, потому что каждый из них сталкивается с благоприятными для себя обстоятельствами, образующими столько положений, сколько существует земель и государств. Но так как времена и вещи и в целом, и в частности подвержены изменениям, а люди не меняют ни своего воображения, ни образа действий, им то сопутствует удача, то их преследует невезение. И поистине, кто был бы настолько умен, чтобы постичь все времена и положения и приспособиться к ним, тому всегда везло бы, или он избегал хотя бы неудач, тогда сбылась бы поговорка, что мудрый командует звездами и роком. Но поскольку таких мудрецов не видно, в силу людской близорукости и неумения подчинить себе собственную природу, судьба непостоянна и распоряжается людьми, она держит их под игмом. Для доказательства справедливости этого мнения я ограничусь вышеприведенными примерами, которыми я обосновал его, и пусть они дополняют друг друга. Новому правителю стоит основать свою репутацию на жестокости, коварстве и безверии в той провинции, где человечность, доверие и благочестие давно в избытке. Точно так же там, где некоторое время правили жестокость, коварство и безверие, пригодны человечность, доверие и религия, ибо как горечь возмущает вкус, а сладости приедаются, так людям наскучивает добро, а зло причиняет страдания. Вот в чем причины, наряду с прочими, почему Италия простерлась перед Ганнибалом, а Испания – перед Сципионом[25]; время и обстоятельства оказались благоприятными для образа действия каждого из них. Но в это же самое время человек, подобный Сципиону, не достиг бы такого успеха в Италии, а подобный Ганнибалу в Испании, как каждый из них в своей провинции.

Никколо Макиавелли

(А) кто не умеет фехтовать, собьет с толку опытного фехтовальщика.

(Б) Наконец, [не следует] никому давать советы и пользоваться чужими советами, кроме общего совета каждому – следовать велениям души и действовать смело.

(В) Людям наскучивает добро, а зло причиняет страдания; горечь противна вкусу, а сладость приедается.

(Г) Искушать судьбу, она дружит с молодыми, и применяться к требованиям времени. Но нельзя и обладать крепостями, и не иметь их; нельзя быть [сразу и] жестоким и милосердным.

(Д) Когда судьба изнемогает, человек, семья, город переживают крах; удача в судьбе каждого основана на его образе действия и всегда обречена на

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org
истощение, в этом случае нужно вернуть ее другим способом.

(Е) Сравнение с конем и удилами относительно крепостей.

III. К ЛУИДЖИ ГВИЧЧАРДИНИ

от 8 декабря 1509 г.

Досточтимому мужу и любезному брату Луиджи Гвиччардини[26] в Мантую.

Прах побери, Луиджи, подумай только, как по-разному волею судьбы завершаются у людей одинаковые предприятия. Вы переспали с той [о ком пишете], и стоило появиться у вас желанию, как вы хотите повторить, а я после многодневного пребывания здесь за отсутствием супружеских утех, стал неразборчивым и тут набрел на старуху, которая стирает мне белье. Она живет в полуподвале, куда свет проникает только через входную дверь. Однажды, когда я проходил мимо, она меня узнала и, обрадовавшись, пригласила заглянуть, посулив немалое удовольствие – якобы, у нее была красивая рубашка на продажу. Я, как дурачок, ей поверил и войдя увидел в полумраке женщину с полотенцем на голове, закрывавшим лицо. Изображая застенчивость, она жалась в углу. Старая пройдоха подвела меня ближе, взяв за руку, и сказала: "Вот рубашка, которую я вам предлагаю, сперва испробуйте, а потом заплатите за нее". Как человек скорее робкий, я перепугался, но потом, оставшись наедине с этой женщиной и в темноте (потому что старуха сразу вышла и закрыла дверь), я овладел ею; и хотя оказалось, что у нее дряблые ляжки, влажное отверстие и зловонное дыхание, вследствие моего отчаянного желания все сошло. После этого, пожелав увидеть названный товар, я взял из очага горящую головню и зажег висевший наверху светильник. Едва он загорелся, факел чуть не выпал у меня из рук. О ужас! Уродство этой женщины было столь велико, что я чудом не испустил дух на месте. Сперва в глаза бросились лохмы волос, не черных и не седых, но с проседью, и хотя на макушке у нее была лысина, где свободно прогуливались одинокие вши, немногочисленные и редкие пряди достигали бровей, а в середине узкого и морщинистого лба была выжжена отметина, как будто ее заклеили у рыночного столба[27]. Брови были покрыты кустиками волос, облепленных гнидами, из глаз один был выше, а другой ниже и меньше второго; они слезились и источали гной, веки были голыми, нос курносый; одна из сопливых ноздрей обрезана; рот был большой, как у Лоренцо Медичи[28], но кривой на одну сторону, откуда стекала слизь – из-за отсутствия зубов она не могла сдерживать слюну. Верхнюю губу покрывали довольно длинные, но редкие волосы; вытанутый подбородок торчал немного кверху, на нем росла борода, доходившая до основания шеи. Потрясенный, я растерянно взирал на это чудовище; заметив мое состояние, женщина хотела спросить: "Что с вами, сударь?", но будучи косноязычной, не смогла произнести, и как только она открыла рот, оттуда пахнуло таким зловонием, что мой желудок не в силах был сдерживать отвращение, вызванное оскорблением двух нежнейших чувств, которому подверглись их врата – глаза и нос, и меня тут же над ней стошнило.

И отплатив той монетой, которую она заслужила, я вышел. Клянусь небом, я не верю, чтобы в нынешний приезд меня еще раз посетило желание здесь, в Ломбардии. Однако, как вы благодарите Господа в надежде вновь испытать такое удовольствие, так и я благодарю его, потому что меня теперь не пугает никакое разочарование.

Полагаю, что от этой поездки у меня останется немного денег, и по возвращении во Флоренцию я хотел бы пристроить их в какое-нибудь дельце. Хорошо бы устроить птичник, мне нужно для этого найти помощника. Я слышал, что Пьеро ди Мартино может тут пригодиться. Узнайте, подойдет ли ему это и сообщите мне; если он не возьмется, я подыщу кого-нибудь другого.

Здесь новости вам перескажет Джованни. Кланяйтесь от меня Якопо[29] и не забудьте о Марко.

Верона, 8 декабря 1509.

Жду ответа Гвалтьери на мою выдумку.

Никколо Макиавелли

IV. К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ[30]

от 26 августа 1513 г.

Господин посол. Ваше письмо от 20 числа[31] устало меня, ибо его построение, многообразие доводов и прочие качества так действуют на воображение, что я поначалу впал в замешательство и растерянность; и если бы при вторичном прочтении слегка не оправился, то верно, был бы неспособен отвечать или написал бы о чем – нибудь другом. Но привыкая к нему, я уподобился лисе, которая впервые увидела Льва и чуть не умерла от страха; на другой раз она остановилась поблизости, а на третий завела с ним разговор[32] – так и я, в общении с вашим письмом набравшись храбрости, отвечаю вам.

Касательно положения дел в мире я прихожу к выводу, что нами управляют несколько государей, имеющих следующие врожденные или благоприобретенные качества; папа у нас умный, и поэтому он тяжел на подъем и осторожен; император непостоянен и изменчив; французский король спесив и робок; испанский король – скупец и скряга; английский король[33] богат, жестокосерд и устремлен к славе; швейцарцы свирепы, победоносны и дерзки; мы здесь, в Италии, бедны, тщеславны и малодушны; что до прочих королей, я их не знаю. Таким образом, соразмеряя эти качества с делами, кои сейчас замышляются, нужно согласиться с братом, который повторял: "Мир, мир, а мира не будет"[34], я вижу, что любой мир трудно будет заключить – что ваш, что мой. Если вам угодно считать, что мой труднее, я согласен, но хочу, чтобы вы терпеливо выслушали мое мнение о тех пунктах, где я подозреваю у вас ошибки, и о тех, где мне кажется, что вы наверняка ошибаетесь. Подозреваю я следующее: что вы слишком рано посчитали французского короля ничтожеством, а английского короля великим монархом. Мне кажется несурзным, чтобы у франции не набралось больше десятка тысяч пехоты, потому что в своей стране, даже без помощи немцев, он может набрать немало таких, которые если и уступят немцам, то не уступят англичанам. Я вынужден так заключить, видя, что английский король со всем его неистовством, со всем его войском, со всей жадной расколосматить, как говорят сиенцы, француз, не взял еще Теруана, замка вроде Эмполи, берущегося с первого приступа, пока люди еще не остыли[35]. Этого для меня достаточно, чтобы не бояться особенно Англии и не слишком принижать францию. Я думаю, что медлительность французского короля намеренная и объясняется не робостью, а надеждой, что англичанин не сумеет закрепиться на его территории и с приближением зимы будет вынужден вернуться на свой остров или остаться во франции, подвергаясь риску, ибо тамошние места болотистые и лишены растительности, так что его войско уже сейчас, наверное, терпит большие неудобства; поэтому я и считал, что папе и Испании не составит труда повлиять на Англию. Мое мнение, кроме того, подтверждается и нежеланием франции отказаться от Собора[36], ведь если бы французский король был в стесненных обстоятельствах, он дорожил бы всякой поддержкой и старался бы ни с кем не ссориться.

Что англичанин платит швейцарцам, я готов поверить, но удивительно, если он делает это через императора, ведь по-моему тот предпочел бы дать денег своим, а не швейцарцам. У меня в голове не укладывается, как это император проявляет такую неосмотрительность, а вся остальная Германия такую беспечность, что позволяют настолько возвыситься швейцарцам. Но если на деле так оно и есть, то я уже не берусь дальше рассуждать, потому что это противно всякому человеческому разумению. Не пойму тоже, каким образом могло случиться, что у швейцарцев была возможность занять Миланский замок[37], но они этого, якобы, не захотели, ибо на мой взгляд, получив его, они достигают своей цели, и им следовало так и поступить вместо того, чтобы идти завоевывать Бургундию для императора. Отсюда я заключаю, что вы совершенно ошибочно полагаете, будто швейцарцы внушают опасения в большей или меньшей степени. Я-то думаю, что их следует опасаться чрезвычайно; свидетель – Каза[38], как и многие мои друзья, с которыми я обычно беседую о политике, что я никогда не переоценивал венецианцев, даже во времена их высшего могущества, ибо для меня великое чудо состояло не в том, что они завоевали и удерживали обширные владения, а в том, что они не лишились их. Притом их крушение[39] было еще слишком почетным, ибо французский король поступил так, как на его месте поступил бы какой-нибудь герцог Валентине[40] или другой удачливый кондотьер, возвысившийся в Италии и собравший пятнадцатитысячное войско. Я исходил из того, что у венецианцев не было собственных солдат и полководцев. И по той же причине, по которой я

Николо Макиавелли десять писем filosoffoff.org

не боялся их, я и боюсь теперь швейцарцев. Не знаю, что там пишет Аристотель о разобщенных республиках[41], но я хорошо знаю, что по логике вещей может быть, бывает и было; помню, я читал, как Лукумоны владели всей Италией вплоть до Альп, пока не были изгнаны из Ломбардии галлами[42]. Если не возвысились этолийцы и ахейцы[43], то это произошло не по их вине, а в силу временных обстоятельств, ибо над ними постоянно висела сперва угроза со стороны царя Македонии своим могуществом преграждавшего им дорогу, а затем со стороны римлян; так что им помешала выступить на сцену сторонняя сила, а не недостаток храбрости. Ба! им не нужны подданные, потому что они не видят в том пользы; сейчас они так говорят потому что пока ее не видят; но, как я уже говорил вам по другому поводу, события развиваются постепенно, и часто необходимость побуждает людей к тому, чего они делать не собирались, а в обычае народов – не спешить. На сегодняшний день их данниками в Италии уже являются герцог Миланский и папа[44]; и эти поступления они занесли в приход, так что не захотят их лишиться, а когда наступит время и один из источников иссякнет, они сочтут это за бунт и вмешаются, одержав же верх, пожелают обеспечить себя на будущее и для того наложат на покоренных еще кое-какие стеснения, так понемногу дело и пойдет. Не стоит полагаться также и на то оружие, которое, как вы говорите, в один прекрасный день окажется полезным для Италии – это невозможно. Во-первых, у итальянцев слишком много вождей и они разъединены, и не видно, кто мог бы их возглавить и объединить; во-вторых, это невозможно из-за швейцарцев. Вам следует понять, что наилучшее войско – это войско вооруженного народа, и противостоять ему может только подобное же. Припомните воинства, покрывшие себя славой: вы найдете римлян, лакедемонян, афинян, этолийцев, ахейцев, орды заальпийцев и увидите, что великие подвиги совершали те, кто вооружил свои народы, как Нин ассирийцев, Кир персов, Александр македонцев[45]. Единственный пример, когда великие дела творили разношерстные армии, это пример Ганнибала и Пирра[46]. Причина тому – необычная доблесть вождей, обладавшая такой силой воздействия, что она так же воодушевляла и дисциплинировала эти смешанные войска, как бывает с народными ополчениями. Если вы рассмотрите поражения Франции и ее победы, то увидите, что она брала верх в сражениях с итальянцами и испанцами, чьи войска подобны ее собственным. Но теперь, когда она имеет дело с вооруженными народами, каковы швейцарцы и англичане, она проиграла, и боюсь, будет проигрывать и впредь. Для людей понимающих поражение французского короля всегда было очевидным, судя потому, что он не захотел иметь собственных солдат и разоружил свой народ, а это противоречит всем поступкам и обычаям, бывшим в заводе у благоразумных и великих по общему мнению людей. Впрочем, этот недостаток не был присущ прошлым правлениям, а только начиная с короля Людовика[47] и поныне. Так что не надейтесь на итальянское оружие, будь оно однородным, как у них (швейцарцев), или если из него составится сборное войско, равноценное их войску. Что до расколов или разногласий, о которых вы упоминаете, не думайте, что из них выйдет что-нибудь путное, пока у швейцарцев соблюдаются законы, а законы, надо полагать, некоторое время будут соблюдаться. Там не может быть вождей, имеющих сторонников, им неоткуда взяться, а вожди без сторонников укрощаются и немногого стоят. Если там кого – то казнили, это, видимо, какие – то пособники французов, пожелавшие выступить в их пользу в учреждениях власти или иным способом, и обнаруженные; расправа с ними для государства не представляет большей опасности, чем когда здесь повесят изрядное число повинных в разбое. Я не думаю, чтобы (швейцарцы) основали империю, как у римлян, но они, пожалуй, могут стать вершителями судеб Италии в силу своего соседства и царящих в ней смут и раздоров; и так как меня это пугает, я желал бы им помешать, но если сил Франции на это не достанет, другого средства я не вижу и посему начну теперь же оплакивать вместе с вами нашу гибель и рабство, которые наступят, может быть, не сегодня и не завтра, но во всяком случае, в наши дни; этим Италия будет обязана папе Юлию[48] и тем, кто ничего не предпринимает, если еще можно что – то предпринять для ее спасения[49].

26 августа 1513, во Флоренции.

Никколо Макиавелли

V. К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ

от 10 декабря 1513 г.

Светлейшему флорентийскому послу у верховного понтифика и своему

Светлейший посол. "Божья благодать ко времени приходит"[50]. Говорю так, потому что мне казалось, что я, если не потерял совсем, о утратил вашу благосклонность, потому что вы мне не писали довольно давно, и я недоумевал относительно причины этого. Все, что приходило мне в голову, не заслуживало внимания, я мог разве что предположить, не воздерживаетесь ли вы от переписки со мной, получив известие, что я плохо распоряжаюсь вашими письмами; но я помню, что за вычетом Филиппе и Паголо[51] никому их не показывал. Наконец, ко мне пришло от вас письмо за 23 число прошлого месяца, из которого я к своему удовлетворению вижу, сколь спокойно и размеренно вы исполняете обязанности своей службы, и я призываю вас продолжать в том же духе, ибо кто забывает о своей выгоде ради выгоды другого, тот и свое потеряет, и от других благодарности не дожидается[52]. А поскольку судьба любит распорядиться по-всякому, нужно положиться на нее, не тревожиться и не искушать ее в ожидании того времени, когда она и людям даст возможность действовать; тогда-то и вам придется потрудиться и во все вникать, а мне распротиться с деревней и сказать: вот он я. Поэтом, желая оказать вам равную услугу, я могу только описать в этом письме собственный образ жизни, и если вы пожелаете обменять его на ваш, охотно соглашусь.

Я сижу в деревне, и со времени последних происшествий не провел во Флоренции полным счетом и двадцати дней[53]. До сих пор занимался собственноручной ловлей дроздов. Поднявшись до света, я намазывал ловушки клеем, затем обходил их, нагруженный связкой клеток, как Гета, когда он возвращался из порта с книгами Амфитриона[54], и собирал от двух до шести дроздов. Так я провел весь сентябрь[55], а затем, к своему неудовольствию, лишился этого развлечения, хотя оно чересчур ничтожно и непривычно; и теперь расскажу, как я живу. Встаю я с солнцем и иду в лес, который распорядился вырубить; здесь в течение двух часов осматриваю, что сделано накануне, и беседую с дровосеками, у которых всегда в запасе какая-нибудь размолвка между собой или с соседями. Я мог бы рассказать массу любопытных вещей, которые случились у меня из-за этих дров с Фрозино да Панцано и с другими. Фрозино, например, не говоря мне ни слова, забрал несколько полениц, а расплачиваясь, хотел удержать с меня десять лир, которые он, по его словам, четыре года назад выиграл в крикку в доме Антонио Гвиччардини. Меня это порядком взбесило, и я собирался обвинить возчика, приехавшего за дровами, в воровстве; однако вмешался Джованни Макиавелли и помирил нас. Когда разразилась известная буря, Баттиста Гвиччардини, Филиппе Джинори, Томмазо дель Бене и еще кое-кто из горожан пожелали взять по одной поленице. Я пообещал всем и одну отправил Томмазо, но до Флоренции дошла лишь половина, потому что ее составлением занимались он сам, жена, прислуга и дети, так что все это напоминало Габурру, когда он по четвергам колотит со своими подручными быка. Тогда, размыслив, на ком можно заработать, я сказал остальным, что дров больше нет; причем все огорчились, особенно Баттиста, который причислил это к прочим последствиям поражения при Прато[56].

Выйдя из леса, я отправляюсь к источнику, а оттуда на птицеловный ток. Со мной книга, Данте, Петрарка или кто-нибудь из второстепенных поэтов, Тибулл, Овидий и им подобные: читая об их любовных страстях и увлечениях, я вспоминаю о своем и какое-то время наслаждаюсь этой мыслью. Затем я перебираюсь в придорожную харчевню и разговариваю с проезжающими – спрашиваю, какие новости у них дома, слушаю всякую всячину и беру на заметку всевозможные людские вкусы и причуды. Между тем наступает час обеда, и окруженный своей командой[57] я вкушаю ту пищу, которой меня одаривают бедное имение и скудное хозяйство. Пообедав, я возвращаюсь в харчевню, где застаю обычно в сборе хозяина, мясника, мельника и двух кирпичников. С ними я убиваю целый день, играя в трик-трак и в крикку; при этом мы без конца спорим и бранимся, и порой из-за гроша поднимаем такой шум, что нас слышно в Сан-Кашано[58]. Так не гнушаясь этими тварями, я задаю себе встряску и даю волю проклятой судьбе – пусть сильнее втаптывает меня в грязь, посмотрим, не станет ли ей, наконец, стыдно.

С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой единственно я рожден; здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают. На четыре часа я забываю о скуке, не думаю о своих

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org
горестях, меня не удручает бедность и не страшит смерть: я целиком переношусь к ним. И так как Данте говорит, что "исчезает вскоре то, что услышав, мы не затвердим"[59], я записал все, что вынес поучительного из их бесед, и составил книжицу "О государствах"[60], где по мере сил углубляюсь в размышления над этим предметом, обсуждая, что такое единоличная власть, какого рода она бывает, каким образом приобретается и сохраняется, по какой причине утрачивается. И если вам когда-либо нравились мои фантазии, вы и эту примете не без удовольствия, а государю, особенно новому, она может пригодиться, и я адресую ее Его Светлости Джулиано[61]. Филиппе Казавеккья видел эту книжку; он может подробнее описать, что она собой представляет и какие мы вели о ней беседы, хотя я еще не кончил ее пополнять и отделявать.

Вы, светлейший посол, желали бы, чтобы я простился со здешней жизнью и приехал к вам наслаждаться радостями вашей. Я обязательно так и поступлю, но сейчас меня отвлекают некоторые дела, они займут у меня полтора месяца. Что внушает мне опасения, так это присутствие там Содерини, которых мне, приехав туда, пришлось бы навестить и говорить с ними[62]. Не уверен, что по возвращении, направляясь домой, я не угодил бы в Барджелло[63], потому что хотя теперешнее правление покоится на прочном и безопасном основании, все-таки оно новое и в силу этого страдает мнительностью, тем более, что здесь хватает узников, которые готовы засадить тебя в казенный дом, лишь бы уподобиться Паголо Бертини[64], а остальное – не их забота. Пожалуйста, войдите в мое положение, а я через указанное время непременно навещу вас.

Я обсуждал с Филиппе, стоит ли преподнести мою книжку, или не стоит, и если подносить, то самому, или послать ее вам. К тому, чтобы не подносить, меня склоняет опасение, что Джулиано ее даже и не прочитает, а этот Ардингелли[65] присвоит себе часть моих последних трудов. К подношению же меня побуждает жестокая необходимость, ибо я разоряюсь и пройдет совсем немного времени, как погрязну в жалкой нищете, не говоря о моем желании, чтобы эти синьоры Медичи вспомнили о моем существовании и поручили хоть камень в гору катить; потому что, если они и тут не обратят на меня внимания, мне придется пенять только на себя; а по прочтении этой вещи будет видно, что я не проспал и не проиграл в бирюльки те пятнадцать лет, которые были посвящены изучению государственного искусства, и всякий захочет использовать богатый опыт человека, готового им поделиться. Что касается моей верности, в ней не следует сомневаться, потому что, ранее всегда соблюдая верность, я не могу теперь вдруг научиться ее нарушать; и кто был верным и честным, как я, сорок три года, не изменит свою природу за один миг; свидетельство моей верности и честности – моя бедность.

Итак, мне хотелось бы познакомиться с вашим мнением обо всем этом, и с тем себя препоручаю вашему вниманию. Будь счастлив.

10 декабря 1513.

Никколо Макиавелли, во Флоренции

VI. К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ

от 3 августа 1514 г.

Вы, куманек, очень порадовали меня известиями о вашей влюбленности в Риме и безмерно утешили мою душу, заполнив ее описанием своих восторгов и обид, которые всегда ходят друг за другом. А меня судьба забросила в такое место, где я поистине могу отплатить вам тем же, потому что здесь, в деревне, я встретил существо столь милое, столь утонченное и привлекательное как врожденным благородством, так и своими качествами, что не нахожу достаточных слов ни для ее восхваления, ни для выражения любви. Как и вы, я мог бы рассказать о зарождении этого чувства, о том, в какие сети оно меня захватило где сплело их, чем украсило; и вы увидели бы, что это были сети, сплетенные Венерой из золота на лоне цветов, сети столь нежные и тонкие, что, хотя черствое сердце могло бы разорвать их, я не решился, и пока блаженствовал в этих сладких тенетах, их слабые нити окрепли и стянулись прочными узлами. Не подумайте, что Амур воспользовался своими обычными средствами, чтобы завлечь меня в ловушку; зная, что они тут непригодны, он прибегнул к невиданным уловкам, от которых я не сумел, да и не захотел уберечься. Довольно сказать, что на пороге пятидесяти лет[66] меня не смущает солнечный зной, не останавливает трудная дорога и не страшит ночной

мрак. Любая задача мне кажется по плечу, к любому желанию, даже чуждому и противоположному тому, что подобало бы мне, я приноравливаюсь. И хотя я вижу мучительность своего состояния, меня переполняет нежность как от созерцания этого редкостного и приятного создания, так и потому еще, что я отложил в сторону воспоминание обо всех своих печалях; и ни за что на свете я не желал бы стать свободным, если бы и мог. Итак, я оставил помыслы о серьезных и великих делах, мне больше не доставляет удовольствия читать о событиях древности или рассуждать о современных; весь мой ум занят галантными похождениями, за что я благодарю Венеру и подвластный ей Кипр. Поэтому, если вам случится написать о нежных чувствах, пишите смело, о прочих же предметах говорите с теми, кто больше их ценит и лучше в них разбирается, ибо последние принесли мне одни огорчения, а первые лишь удовольствие и благо [67]. Будьте здоровы.

Из Флоренции. 3 августа 1514.

Ваш Никколо Макиавелли

VII. К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ

от 20 декабря 1514 г.

Светлейший посол.

Вы задели меня за живое, так что если я утомлю вас своей писаниной, скажите: провались я, что написал ему[68]. Боюсь, что ответ, даваемый мною на ваши вопросы, покажется вам слишком сжатым в той части, которая относится к нейтралитету, а также там, где я обсуждаю, чем может быть опасен победитель в случае, если потерпит поражение та сторона, к которой мы примкнем; ибо в обоих случаях следует рассмотреть много вопросов. Поэтому я снова взялся за перо, возвращаясь к этому же предмету. Что касается нейтралитета, одобряемого, по-моему, многими, то для меня он неприемлем, потому что я не припомню ни одного случая, которому я сам был свидетелем или о котором читал, чтобы нейтралитет был полезен, напротив, его последствия всегда губительны, ибо они ведут к верному поражению; и хотя причины этого вам понятны еще лучше, чем мне, все же я вам их напомним.

Вы знаете, что главная задача всякого государя состоит в том, чтобы избегать ненависти и презрения; *fugere in effectum contemptum et odium*; если он за этим следит, его дела будут в порядке. Это условие нужно соблюдать как в отношении союзников, так и в отношении подданных; если же государь не избежал хотя бы презрения, его песенка спета. На мой взгляд, среднее положение между двумя противниками это не что иное, как способ заслужить ненависть и презрение, ибо из этих двоих одному всегда покажется, что ты обязан разделить его судьбу благодаря ли оказанным им благодеяниям, или старинной дружбе, и если ты не последуешь за ним, он затаит ненависть против тебя. Другой же, увидев твою робость и нерешительность, станет тебя презирать, и ты прослывешь сразу никчемным другом и безвредным врагом, так что, кто бы из них ни победил, он не задумываясь с тобой расправится. Эту мысль в двух словах выразил Тит Ливий, вложив ее в уста Тита Фламинина, который сказал ахейцам, когда Антиох убеждал их сохранять нейтралитет: "В вашем положении ничто не может быть хуже; утратив достоинство и снисхождение, вы станете наградой победителю"[69]. К тому же в ходе войны у обоих противников неизбежно накопится множество поводов возненавидеть тебя, ибо в большинстве случаев третий располагается в таком месте, что разными способами может помочь тому или другому, и вскоре после того, как война развязана, оказывается, что то решение, которое ты не захотел принять в открытую, когда оно несло тебе благодарность одной из сторон, теперь ты вынужден вынашивать втайне, уже не надеясь приобрести чью-нибудь милость; и даже если ты его так и не примешь, оба будут убеждены, что ты встал на чужую сторону. Если судьба проявила благосклонность к нейтральному государю, и во время войны не возникнет справедливых причин для ненависти к нему, то они обязательно появятся после окончания, ибо все обиженные и опасавшиеся его прибегнут к покровительству победителя со своими жалобами и притязаниями. На возражение, что папа, вследствие уважения к его персоне и к церковной власти, находится в другом положении, и для него всегда отыщется спасительный приют, я бы ответил, что этот довод заслуживает внимания, и отчасти на нем можно основываться, но все же не следует уповать на это, а напротив, я думаю, что по зрелом размышлении не стоит даже

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org
принимать его в расчет, чтобы тщетная надежда не склонила к дурному решению, ибо все, случившееся прежде, на мой взгляд, может произойти и теперь, а я знаю, что папам приходилось в свое время спасаться бегством, укрываться от преследования, прозябать на чужбине и подвергаться смертельным опасностям, как обычным светским властителям, и это было тогда, когда церковь пользовалась гораздо большим духовным влиянием, чем сегодня. Итак, если Его Святейшество подумает о том, где находятся его владения, кто с кем воюет и у кого появится возможность воззвать к милости победителя, то я полагаю, что Оно не остановится на нейтралитете, а предпочтет примкнуть к той или иной стороне; таким образом, я не могу ничего добавить относительно нейтралитета и его продления по сравнению с прошлым разом, потому что выше все сказано.

Наверное, из письма, которое я написал вам, покажется, что я склоняюсь на сторону Франции и что эта привязанность может далеко меня завести[70], а мне не хотелось бы, чтобы это было так, потому что я стараюсь всегда сохранять ясность суждения, особенно о таких вещах, и не увлекаться пустыми мечтаниями, как делают многие; если я и неравнодушен к Франции, мне кажется, тут нет ошибки, поэтому перечислю вам еще раз свои мотивы, и это будет чем-то вроде подведения итогов написанного. Когда соперничают два властелина, чтобы узнать, кто победит, мало измерить силы одного и другого, нужно еще видеть, сколько способов одержать победу у каждого из них. Я не нахожу у здешней стороны другого выхода, как только немедленно дать генеральное сражение, для Франции же годны и все остальные пути, как я подробно описал вам. Вот первая причина, почему Франция внушает больше доверия. Далее, если мне предстоит объявить себя союзником одного из противников, и я вижу, что одному я принесу бесспорную победу, а для второго она и при моем участии останется сомнительной, по-моему, выбирать надо всегда бесспорное, отбросив любые обязательства, выгоды, опасения и все прочее, что мне мешает. Полагаю, что если папа присоединится к Франции, двух мнений быть не может, если к другим, исход очень сомнителен по указанным мною в прошлый раз причинам. Кроме того, все умные люди, когда могут не ставить на карту все свое достояние, охотно так и поступают, и рассчитывая на худший результат, из двух зол выбирают меньшее; а поскольку повороты судьбы трудно предвидеть, они полагаются на удачу того, кому в худшем случае придется менее тяжело. Его Святейшество занимает два поля, одно в Италии, другое во Франции. Присоединясь к Франции, Он рискует проиграть одно из них, с ее противниками рискует двумя. Если Он поссорится с Францией, и та победит, Ему придется разделить участь ее врагов и отправиться умирать от голода в Швейцарию, предаваться отчаянию в Германии или быть разоренным и проданным в Испании. Если же Он пристанет к Франции и потерпит поражение, то во Франции остается, как у себя дома, сохраняет целое царство, покорное себе, то есть власть папы, и дружбу государя, который тысячу раз может вернуть себе былое положение путем переговоров или войны. Будьте здоровы, и тысячекратно вам кланяюсь.

20 декабря 1514.

Никколо Макиавелли, во Флоренции

VIII. К ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ

от 17 мая 1521 г.

Сиятельному Господину Франческо Гвиччардини, доктору прав, достойнейшему и мною высоко чтимому губернатору Модены и Реджо[71]

Светлейший и глубокоуважаемый муж. Я был в нужнике, когда прибыл ваш гонец, и как раз раздумывал о странностях этого мира, стараясь представить, какого проповедника на свой лад я выбрал бы для Флоренции, чтобы он был мне по вкусу, потому что в этом я хочу быть столь же упрямым, как и в других своих мнениях. А поскольку я никогда не упускал возможность быть полезным нашей республике если не делом, то словом, и если не словом, то хоть намеком, я не собираюсь упустить ее и на этот раз. Правда, я знаю что, как и во многих других вещах, вступаю в противоречие с мнением своих сограждан: они желают проповедника, который научил бы их, как попасть в рай, а я хочу найти такого, чтобы он показал им дорогу к дьяволу; им желательно также заполучить мужа благоразумного, настоящего праведника, а мне – такого, чтобы он был большим сумасбродом, чем Понцо, большим ловкачом, чем брат

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org

Джироламо, большим лицемером, чем фра Альберто[72], ибо мне кажется чудесной выдумкой, достойной нашего славного времени, соединить в одном монахе все то, что мы наблюдали у нескольких; ведь, по-моему, это и есть правильный путь в рай – изучить дорогу в ад, дабы избегать ее. Помимо этого, видя, каким доверием пользуется негодяй, действующий под личиной благочестия, легко себе представить, чего достигнет достойный, если на деле, а не из притворства двинется по стопам св. Франциска. Итак, найдя удачной свою затею, я решил взять Ровайо[73], и если он похож на других братьев и сестер, то все будет в порядке. Буду признателен, если в следующем письме вы мне выскажете свое мнение.

Я пребываю здесь в праздности, потому что не могу выполнить поручение, пока не выбраны генерал и дефиниторы[74], и обдумываю тем временем, как бы заронить среди них семена смуты, чтобы они начали пинать друг друга своими деревянными туфлями, здесь или еще где, если я не свихнусь, думаю, что преуспею в этом, и что совет и помощь Вашего Превосходительства были бы очень кстати. Поэтому, если бы вы приехали сюда как будто развеваться, было бы не худо, или хотя бы в письме подсказали какой-нибудь ловкий ход; ибо если с этой целью вы будете ежедневно присылать ко мне нарочного, как сегодня, то убьете сразу двух зайцев: во-первых, подскажите мне что-нибудь полезное на этот счет, во-вторых, поднимете меня в глазах домашних, учащая важные уведомления. Скажу вам, что появление этого стрелка с письмом, с поклоном до земли и со словами, что он послан спешно и нарочно, наделало здесь столько шуму и почтительной суеты, что все пошло вверх дном, и многие стали расспрашивать меня о новостях; я же, чтобы еще повысить свой авторитет, сообщил им, что императора ожидают в Тренто, что швейцарцы опять собираются на сейм и что французский король хотел приехать на свидание с другим королем[75], но советники ему отсоветовали; так что все они стояли с непокрытыми головами и разинув рты; и теперь, пока я пишу, меня окружают несколько человек, которые дивятся тому, как долго я это делаю, и смотрят на меня, как на одержимого; а я, чтобы сильнее поразить их, иной раз застываю с пером в руке и надуваюсь, и тогда они еще больше раскрывают рты, но если бы они знали, что я вам пишу, то удивились бы еще сильнее. Вашей Милости известна поговорка здешних братьев, что если кто утвердился в благодати, у дьявола нет больше власти искушать его. Поэтому я не боюсь заразиться лицемерием от этих монахов, ведь я, кажется утвердился вполне.

Что касается обитателей Карпи, то я сравнюсь со всеми ими, ведь я давно превзошел эту науку настолько, что не нуждаюсь даже в таком подручном, как франческо Мартелли[76]; потому что с некоторых пор никогда не говорю того, что думаю, и никогда не думаю того, что говорю, если же мне случается сказать правду, я скрываю ее под таким ворохом лжи, что ее и не сыщешь.

С губернатором я не говорил, потому что, раз уж я нашел себе пристанище, мне казалось это излишним[77]. Правда, сегодня утром в церкви я имел случай полюбоваться им, когда он рассматривал живопись. Сложение его мне показалось удачным и наводящим на мысль о соразмерности части и целого, а также о том, что он кажется тем, что есть и что его уродство не бред, и если бы под рукой у меня было ваше письмо, я бы воспользовался случаем почерпнуть из этого источника[78]. Впрочем, ничего не потеряно, и завтра я жду от вас совета насчет моих дел – с одним из этих солдат, только пусть скачет быстро и приезжает сюда весь вымокший, чтобы сразить всю команду; этим вы окажете мне честь и одновременно ваши стрелки разомкнутся, а для коней к лету это очень полезно. Написал бы вам еще, но не хочу напрягать воображение, чтобы во всей свежести сохранить его на завтра. Поручаю себя Вашей Милости, да пребудет всегда в желанном здравии.

В Карпи, 17 мая 1521.

Ваш покорнейше. Никколо Макиавелли, посланник к братьям-миноритам.

IX. К ГВИДО МАКИАВЕЛЛИ

от 2 апреля 1527 г.

Моему дорогому сыночку Гвидо от Никколо Макиавелли. Во Флоренцию.

Гвидо, дражайший мой сыночек, я получил твое письмо, которое меня очень порадовало, особенно известием, что ты выздоровел, ведь для меня нет ничего

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org
важнее этого; и если Господь продлит твои и мои дни, я надеюсь вырастить из тебя порядочного человека, коль скоро и ты приложишь необходимое старание; потому что кроме больших связей, которыми я располагаю, я завязал еще дружбу с кардиналом Чибо, и столь тесную, что сам удивляюсь; она пойдет тебе на пользу, но ты должен учиться[79]. И раз ты не будешь теперь отнекиваться под предлогом болезни, потрудись выучиться словесности и музыке, ты ведь видишь, сколько почета доставляют мне мои слабые дарования. Итак, сынок, если ты хочешь меня утешить, а для себя добиться благосостояния и чести, будь прилежным и учись, потому что если ты сам себе поможешь, тебе станут помогать все.

Маленького мула, который взбесился, нужно лечить не так, как всех помешанных, а наоборот: тех всегда связывают, а я хочу, чтобы ты его развязал. Отдай его Ванджело[80] и скажи, пусть отведет его в Монтепульяно, разнуздает и отпустит на все четыре стороны искать подножный корм и лечиться от бешенства. Место там раздольное, а животное маленькое, вреда оно никому не причинит; так без лишних хлопот будет видно, чем оно займется, а если выздоровеет, ты успеешь его вернуть. С другими лошадьми сделайте, как велел Лодовико, за которого я благодарю Господа, что он выздоровел и продал их; я знаю, что он правильно поступил, вернув деньги, но меня беспокоит и огорчает, что он не написал.

Кланяйся монне Мариетте[81] и скажи ей, что я собирался выехать со дня на день, и теперь собираюсь; и никогда я так не хотел очутиться во Флоренции, как сейчас; но иначе поступить не могу. Скажешь только насчет слухов, которые ходят, чтобы она не тревожилась, потому что я буду у вас раньше, какая бы беда ни случилась. Поцелуй Баччину. Пьеро и Тотто, если он там; как бы я хотел знать, прошло ли у него с глазами. Не горюйте и тратьте меньше, чем могли бы; напомни Бернардо[82], чтобы он вел себя как следует, за последние две недели я написал ему два письма, а ответа не получил. Христос да охранит вас всех.

2 апреля 1527.

Никколо Макиавелли, в Имоле

Х.К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ

от 16 апреля 1527 г.

Сиятельному и мною чтимому Франческо Веттори. Во Флоренцию[83].

Светлейший и проч. Монсиньор де Ла Мотт[84] был сегодня в имперском лагере по поводу заключения договора, которое здесь составлено, и если Бурбону[85] оно понравится, он должен остановить войско, но если двинет его, это верный знак, что он против; так что завтрашний день рассудит наши дела. Поэтому здесь решено, если он двинется завтра, настроиться на войну и оставить малейшие помышления о мире; а если не двинется, думать о мире и распространиться с мыслью о войне. Вот на что вам следует теперь рассчитывать, и если решится в пользу войны, отбросить все надежды на мир, с тем чтобы союзники поспешили выступить без оглядки, потому что пришло время не раздумывать, а действовать очерта голову, ведь отчаяние часто подсказывает средства, которые не под силу обнаружить свободному выбору.

Эти люди выступают сюда без артиллерии, перед ними труднопроходимая местность, так что если мы соединим слабые остатки нашей энергии с готовыми уже силами Лиги, то им придется со стыдом убраться отсюда или хотя бы умерить свои притязания. Я люблю мессера Франческо Гвиччардини, люблю мою родину больше, чем собственную душу, и с высоты того опыта, который мне дали шестьдесят лет[86], говорю вам, что навряд ли можно очутиться в более трудных обстоятельствах, чем теперь, когда мир насущно необходим, но от войны нельзя отказаться, и к тому же мы располагаем государем, который толком не способен добиться ни войны, ни мира[87]. Нижайший вам поклон.

16 апреля 1527.

Никколо Макиавелли, в Форли

Примечания

1

Р. Бекки – посол Флорентийской республики в Риме при дворе папы Александра VI до 7 января 1498 г. После этой даты он был заменен приверженцем Савонаролы.

2

Джироламо Савонарола (казнен 23 мая 1498 г.), доминиканец, настоятель монастыря Сан Марко во Флоренции, фактический глава республиканского режима в 1494 – 1498 гг.

3

Александр VI Борджиа (1492 – 1503).

4

Старое название кафедрального собора Флоренции – Санта Мария дель Фьоре.

5

фра Доменико Буонвичини да Пеша, настоятель монастыря Сан Доменико во Фьезоле, последователь Савонаролы, казненный вместе с ним.

6

Сторонников Савонаролы и его религиозно – демократических реформ называли "Плаксами" (Piazzoni); им противостояли "Рассерженные" (Arrabbiati), представлявшие городскую олигархию; "Паллески" (Palleschi) – приверженцы семейства Медичи, у которого в гербе были аптекарские пилулы – шары (palle) и "Компаньяччи" (Compagnacci) – группы "золотой молодежи".

7

Исход. 1, 12.

8

Ср.: Фома Аквинский. Сумма Теологии. II. 2; вопр. 47, 2.

9

В день Вознесения, 4 мая 1497 г., во время проповеди Савонаролы произошла стычка между "компаньяччи" и "плаксами".

10

Исход. 2. 12.

11

датирует по флорентийскому календарю, в котором год начинался от Воплощения Христа, 25 марта.

12

Джованбаттиста Содерини (1484 – 1528), племянник пожизненного гонфалоньера

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org
Пьеро Содерини, приятель Макиавелли.

13

Адрес на письме Содерини к Макиавелли был надписан рукой Бьяджо Бонаккорси, коллегой и другом последнего, который пересылал ему корреспонденцию в Перуджу, ко двору папы Юлия II.

14

В Пьомбино, на встречу испанского короля Фердинанда, отправлялись многие флорентийцы; как пишет к Макиавелли 12 сентября Джованбаттиста, его и их общего друга Филиппе ди Банко удерживают от поездки – "одного звезда, другого солнце" – откуда слова Никколо о недостатке и избытке света.

15

Джованбаттиста высказал опасение, что Макиавелли может задержаться при папе до января, и это помешает его хлопотам по устройству флорентийского ополчения.

16

Как можно понять из письма Содерини, Филиппе ожидал исхода какой – то тяжбы; следовательно, "звезда", которая не пускает его в Пьомбино, синоним судьбы.

17

Т.е. написать ответ.

18

Речь идет о Юлии II (1503 – 1513), безрассудные, на взгляд Макиавелли, поступки которого, не мешали ему действовать успешно. В частности, напору папы вынужден был уступить тиран Перуджи Джанпаоло Бальони, о чем Макиавелли доносил флорентийскому правительству 13 сентября 1506 г. Ср. также: Рассуждения о I декаде Тита Ливия. Кн. I, гл. XXVII.

19

Лоренцо Медичи Великолепный (1449 – 1492), правитель Флоренции с 1464 г.

20

Джованни II Бентивольи (1443 – 1506), правитель Болоньи с 1462 по 1506 г., когда Юлии II отнял у него город.

21

Вителли – семья кондотьеров, владевшая городом Читта ди Кастелло.

22

Гвидобальдо да Монтефельтро (1472 – 1508). герцог Урбинский с 1482 г.

23

Франческо Сфорца (1401 – 1466), с 1450 г. герцог Миланский.

24

Тит Флавий Веспасиан, римский император (79 – 81).

25

Ганнибал (247 – 182 до н. э.) и Сципион Старший (ок. 235 – 183 до н. э.) – излюбленные у Макиавелли образцы противоположных методов ведения войны и управления войском – первый более жестокого; второй – мягкого.

26

Луиджи Гвиччардини, старший брат историка Франческо Гвиччардини, в будущем гонфалоньер перед падением режима Медичи в 1527 г.; Макиавелли посвятил ему стихотворение "Капитоло о тщеславии". В Мантую он приехал посетить больного брата Якопо.

27

У столба на Меркато Веккьо во Флоренции клеймили скот в ярмарочные дни.

28

У Лоренцо Великолепного, упоминавшегося в предыдущем письме, был широкий рот с узкими губами.

29

Якопо – Гвиччардини: Джованни – вероятно, посыльный.

30

Франческо Веттори, приятель и коллега Макиавелли в последние годы его службы; после реставрации Медичи (1512) посол Флоренции при дворе папы Льва X (Джованни Медичи).

31

С весны 1513 г. Веттори из Рима вел переписку с находящимся в ссылке Макиавелли, обмениваясь с ним мнениями и прогнозами относительно итальянской и европейской политики. В письме от 20 августа Веттори высказывает сомнения по поводу предполагаемого Макиавелли в ближайшем будущем заключения мира между испанской и французской державами.

32

Образы из басни Эзопа "Лисица и Лев".

33

Папа – Лев X (1513 – 1521); французский король – Людовик XII (1498 – 1515); император – Максимилиан I Габсбург (1493 – 1519); испанский король – Фердинанд II Католический (1479 – 1516); английский король – Генрих VIII (1509 – 1547).

34

Брат – Савонарола. Цит.: Иезекиель. XIII. 10.

35

Макиавелли еще не знал, что 16 августа англичане взяли замок.

36

Собор галликанской церкви был созван в Пизе в пику папе в 1511 гг.

37

Миланский замок предлагал швейцарцам французский король в обмен на союз с ним.

38

Филиппо Казавеккья, приятель Макиавелли и Веттори.

39

Поражение Венеции от войск Камбрейской лиги при Аньяделло в 1509 г. привело к потере ею большей части владений на материке.

40

Чезаре Борджиа (1475 – 1507), сын папы Александра VI, в период своего могущества – правитель области Романья; Макиавелли с похвалой отзывается о его действиях в трактате "Государь".

41

На "Политику" Аристотеля ссылается в своем письме Веттори, хотя место, о котором идет речь, не установлено.

42

Лукумоны – этруски, вытесненные галльскими племенами в V в. до н. э. из Северной Италии.

43

Этолийцы и ахейцы – греческие племена, объединявшиеся в IV–III вв. до н. э. в военные союзы, в том числе против македонцев и римлян.

44

Герцог Лодовико Моро (1452 – 1508) и Лев X платили швейцарцам за военную помощь.

45

Нин – легендарный ассирийский царь; Кир Старший (558 – 529 гг. до н. э.) – основатель персидского царства; Александр Македонский (336 – 323 до н. э.) – великий завоеватель.

46

Ганнибал – см. письмо II. примеч. 25; Пирр, царь Эпира (307 – 273 до н. э.).

47

В трактате "Государь" (гл. XIII) Макиавелли пишет, что Карл VII (1422 – 1461), освободивший Францию от англичан, учредил у себя постоянное войско ("ордоннансные роты"), которое было упразднено его сыном, Людовиком X).

48

Макиавелли поражался политическим успехам Юлия II, но порицал его, как и других пап, за то, что они способствовали превращению Италии в арену борьбы между европейскими державами, не желая поступиться своей светской властью.

49

Ср.: Государь, гл. XXVI.

50

Цитата из поэмы Петрарки "Триумф вечности". XIII.

51

Филиппо Казавеккья и Паоло Веттори, брат Франческо, флорентийский политик.

52

После долгого перерыва, в письме от 23 ноября Веттори рассказывает о своей беспечной жизни в Риме (обязанности посла Флоренции, которой управлял герцог Джулиано Медичи, в Риме при папе, его родном брате, были необременительны) и приглашает Макиавелли, срок ссылки которого закончился, приехать к нему погостить. При этом он, сетуя на судьбу, не оставляет другу особых надежд вернуться на службу с его помощью.

53

В феврале 1513 г. Макиавелли был арестован как предполагаемый соучастник заговора против Медичи; он подвергся пытке, но затем был освобожден. Еще до этого, в ноябре 1512 г. ему было запрещено покидать флорентийские владения в течение года, и в то же время посещать город Флоренцию. Но несколько раз он ездил туда по вызову Синьории.

54

Персонажи стихотворной новеллы начала XV в. на сюжет, восходящий к Плавту. Гета (итал. Джета) – слуга Амфитриона, привезший из Афин книги своего хозяина, который там обучался философии.

55

Р. Ридольфи полагает, что правильно читать "весь ноябрь", ориентируясь по дате письма и сезону ловли дроздов.

56

В этом абзаце упоминаются друзья Макиавелли, некоторые из них в прошлом – его коллеги. Поражение при Прато в августе 1512 г. послужило поводом к падению республиканского режима ("известная буря"), при котором Макиавелли был секретарем II канцелярии Синьории. Комиссаром Прато был в тот момент Баттиста Гвиччардини. Джованни Макиавелли, приходской священник, вместе с Филиппо Макиавелли и Франческо Веттори внес залог в 1000 флоринов, под условием которого Никколо Макиавелли был отправлен в ссылку. Габурра – вероятно, местный мясник.

57

Команда (brigata) – здесь "семья".

58

Имение Макиавелли, Сант-Андреа ин Перкуссина, находилось близ городка Сан-Кашано, в 30 км южнее Флоренции.

59

Данте. Божественная Комедия: Рай. V. 41 – 42.

60

Знаменитый трактат "Государь".

61

Джулиано Медичи (1479 – 1516), сын Лоренцо Великолепного и брат папы Льва X (ср. примеч. 3). герцог Немурский, фактический правитель Флоренции в момент написания данного письма. Позднее Макиавелли решил посвятить трактат племяннику Джулиано и его преемнику, Лоренцо ди Пьеро Медичи (1492 – 1519), герцогу Урбинскому (с 1516 г.).

62

Щепетильность Макиавелли вызвана тем, что Пьеро Содерини возглавлял правительство республики, в котором он служил до реставрации Медичи в 1512 г. И хотя Пьеро и его брат Франческо Содерини, кардинал, были прощены папой и жили в Риме, их посещение могло навлечь на Макиавелли новую опалу.

63

Барджелло – говоря современным языком, резиденция полицейского департамента Флоренции.

64

Бертини – предположительно, рьяный сторонник Медичи.

65

Пьеро Ардингелли – секретарь Льва X.

66

Макиавелли исполнилось 45 лет.

67

Демонстративное отстранение от политики вызвано тем, что советы и мнения Макиавелли, передаваемые клану Медичи через Веттори, не дали результатов, кроме разве признания его талантов.

68

3 декабря Веттори снова обратился к Макиавелли с "политическим" вопросом,

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org
по просьбе, как выяснилось позже, кардинала Джулио Медичи (будущего папы Климента VII). Вопрос заключается в том, как поступить папе в условиях, когда Людовик XII с помощью Венеции собирался вернуть себе Милан вопреки вероятному противодействию императора Максимилиана, испанского короля Фердинанда Католического и швейцарцев. Макиавелли ответил длинным письмом, в котором отрицал нейтралитет и рекомендовал папе союз с Францией. Не дождавись ответа (который пришел как раз 20 декабря), Макиавелли сочиняет дополнение к первому письму и проводит здесь ряд своих излюбленных идей – о вреде нейтралитета, о необходимости избегать ненависти и презрения, и других.

69

Тит Ливий. XXXV. 49. Ср.: Государь. XXI.

70

Макиавелли здесь как бы оправдывается, возможно потому, что узнал о переговорах папы с венецианцами, направленных на то, чтобы оторвать их от союза с Францией – папа склонялся к противной стороне.

71

В мае 1521 г. Макиавелли был послан с поручением от правительства Флоренции и кардинала Джулио Медичи к генеральному капитулу ордена францисканцев (миноритов) в Карпи, недалеко от Модены. При этом консулы цеха шерстяников просили его пригласить во Флоренцию на время Великого поста известного проповедника. Гвиччардини, который был тогда губернатором Модены (от имени папы), переписываясь с Макиавелли шуточки ради посылал ему письма с нарочным, чтобы придать адресату больший вес в глазах хозяев.

72

Доменико да Понцо – доверенное лицо правителя Милана во Флоренции, противник Савонаролы (брата Джироламо); фра Альберто – по предположениям, герой новеллы Боккаччо из "Декамерона" (IV. 2), или Альберто да Орвьето, предлагавший Александру VI заманить Савонаролу в Рим.

73

Брат Джованни Гвальберто, по прозвищу Ровайо ("Северный ветер"), которого хотели пригласить флорентийцы.

74

Макиавелли ожидал завершения выборов высших чинов ордена, чтобы продолжить переговоры от отделения францисканских монастырей Флоренции от монастырей остальной Тосканы.

75

То есть, очевидно, с английским королем.

76

Макиавелли здесь отвечает на опасение Гвиччардини, как бы монахи не заразили его лицемерием, или воздух Карпи не приучил его врать. Кто такой Мартелли – неизвестно.

77

феодалными сеньорами Карпи были представители семейства Пио: в этот период

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org
Альберто Пио. губернатором был епископ Теодоро Пио. Макиавелли остановился у секретаря канцелярии Альберто Пио, Сиджисмондо Санти.

78

Речь идет, вероятно, о гипотетическом письме с советами Гвиччардини, о котором Макиавелли просит выше.

79

Гвидо Макиавелли, третий сын Никколо, предназначался для церковной карьеры (но стал впоследствии только приходским священником). Отец пишет ему из лагеря войск Коньякской Лиги, в которой папа Климент VII (Джулио Медичи) объединился с Францией, Венецией и Миланом против императора Карла V Габсбурга. В Болонье Макиавелли был радушно принят тамошним наместником папы, кардиналом – легатом Инноченцо Чибо, который приходился Клименту VII двоюродным братом.

80

Ванджело – крестьянин, работавший у Макиавелли.

81

Мариетта Корсини – жена Никколо Макиавелли.

82

Баччина (Бернарда) – дочь Макиавелли. Бернардо – старший сын (р. в 1503 г., второй – Лодовико – в 1504 г.); Бернардо стал в дальнейшем казначеем папы в провинции Умбрия; Пьеро (1514 – 1564) – четвертый сын; Тотто – младший, родившийся в конце 1525 или в начале 1526 г.

83

Макиавелли пишет Веттори во Флоренцию из Форли в Романье, где он находился по поручению Гвиччардини, главного наместника папы Климента VII в лагере Коньякской Лиги. Папа попытался заключить перемирие с противником (в марте), но войско императора не соблюдало, и как показали ближайшие события (разгром Рима), не собиралось соблюдать его условия.

84

Де Ла Мотт – один из командующих войсками Лиги.

85

Коннетабль Франции Карл Бурбон, перешедший на службу к Карлу V, главнокомандующий его войск. При осаде Рима 6 мая 1527 г. был застрелен из аркебузы (этот выстрел приписывает себе Бенвенуто Челлини).

86

3 мая Макиавелли исполнилось 58 лет, 21 июня 1527 г. он умер – несколько дней спустя после неудачной попытки вернуться на прежнюю должность в новом антимакиавелловском правительстве (вместо него на этом посту был оставлен секретарь комиссии Восьми при Медичи, Ф. Таруджи).

87

Климент VII, известный своей нерешительностью.

Николо Макиавелли Десять писем filosoff.org

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!